

Глава 11

Увидев, с каким восторгом Фэйфэй уплетает яблоко, остальные тоже взялись за свои кусочки. Правда, в отличие от трёхлетнего малыша с его крохотными ручками и ртом, для них ломтик яблока был всего на пару укусов.

Съев яблоко, все принялись наперебой хвалить малыша.

— Яблоко, которое сорвал Фэйфэй, и впрямь очень сладкое, намного слаще тех, что я ел раньше, — сказал Линь Сынянь, поглаживая сына по голове. В его голосе звучала неподдельная искренность.

— В следующий раз я снова принесу папе! — пообещал малыш, сияя от похвалы.

При этих словах рука Линь Сыняня замерла.

— Не обязательно срывать самому, — поспешно добавил он, живо представив, как малыш снова пропадает на несколько дней с каким-нибудь фруктом в руках. В этот раз это было яблоко, но что, если в следующий раз он принесёт клубнику или вишню? Они бы давно испортились.

Фэйфэй, склонив голову набок, задумался и решил, что так тоже неплохо.

— Хорошо, — кивнул он.

Линь Сынянь и все остальные члены семьи с облегчением выдохнули.

«Наверное, это была просто детская прихоть. Видите, интерес прошёл, и он уже передумал».

Вечером Линь Сынянь, как обычно, унёс малыша в свою комнату, чтобы искупать и уложить спать. Гостиная постепенно опустела, и все разошлись по своим комнатам.

Глубокой ночью, когда сон человека самый крепкий, Фэйфэю приснился сон. Он видел бескрайние просторы, но небо было не синим, а сложенным из розовых, голубых и жёлтых облаков, похожих на сахарную вату.

Лёгкий ветерок доносил до его носа сладкий аромат этих облаков — нежный запах яблок.

Малыш, спавший на боку, зачмокал губами и, не просыпаясь, сунул в рот пухлый пальчик.

В ту ночь сон приснился не только ему, но и Линь Сыняню, Линь Цзинли, Линь Ханю, Линь Гошэну и Ян Юйин. Все они видели бескрайнее небо из сахарной ваты, принадлежавшее

малышу. Вата была со вкусом яблок. Невидимая ручка отрывала от неё большой кусок и клала им в рот, и казалось, будто они и впрямь ощущают на языке сладость.

На следующее утро Линь Гошэн, чьё здоровье в последние годы заметно ухудшилось, проснулся бодрым и полным сил. Даже его движения во время утренней зарядки в саду были отточенными и энергичными.

Когда нет болезней, радость — лучшее лекарство. Она пробуждает дух и питает душу, которая с годами начинает увядать.

Увидев вышедшего из дома Линь Цзинли, он даже поманил его рукой.

— Иди сюда, разомнёмся немного.

Линь Цзинли решительно отказался от предложения деда и отпил из своего стакана.

Линь Гошэн заметил, что в стакане была не простая вода, которую тот обычно пил.

— Что это у тебя? Ты же кроме кипятка ничего не пьёшь.

Линь Цзинли сделал ещё глоток и, прищурившись, медленно ответил:

— Яблочный чай. Только что попросил матушку Ван заварить. Хочешь — иди на кухню.

При слове «яблоко» Линь Гошэн вспомнил. Яблоко, которое вчера принёс его внук, было невероятно сладким. И дело было не только в сладости — послевкусие оставляло удивительное чувство удовлетворения. Неудивительно, что ему всю ночь снилось, как он ест яблочную сахарную вату.

Надо же, он, старик, а видит такие детские сны про сахарную вату.

Их взгляды с Линь Сынянем встретились, но ни один из них не обмолвился о своём ночном сновидении. Закончив упражнения, Линь Гошэн заложил руки за спину и неспешно направился на кухню.

— Что? Ты хочешь забрать Фэйфэя? Не выйдет! — услышав, что Линь Сынянь собирается уезжать, старый господин хлопнул ладонью по столу. Он едва сдержался, чтобы не ткнуть пальцем в нос сына и не прорычать: «Катись отсюда сам, а внука моего оставь!»

Линь Сынянь не ожидал, что за какие-то несколько дней малыш успеет покорить сердца всех домочадцев, от деда до Линь Ханя. Стоило ему заикнуться об отъезде, как дед нахмурил брови и сердито засопел, а во взгляде Линь Цзинли промелькнуло неодобрение.

Линь Хань же оказался человеком действия. Он тут же подхватил игравшего на ковре Фэйфэя и бросился наутёк, не дав своему дяде и опомниться.

За эти дни Линь Хань понял одну вещь. Неизвестно почему — то ли из-за какой-то особой связи с маленьким двоюродным братом, то ли потому, что малыш был просто невероятно мил, — но только рядом с ним он чувствовал себя по-настоящему счастливым. Даже просто сидеть рядом и полдня собирать кубики было приятнее, чем прежняя разгульная жизнь, полная безумств.

Он уже не нуждался в том, чтобы Линь Цзинли запирали его дома. Он сам, по доброй воле, оставался дома и играл с ребёнком.

К тому же, Линь Цзинли оформил ему в школе отпуск. В его возрасте получить освобождение от занятий из-за «переходного периода» было проще простого. Школа не торопила: как придёт в норму, так и вернётся к учёбе.

На самом деле, по своему состоянию Линь Хань уже мог бы вернуться в школу, но он гнал от себя эту мысль. Линь Цзинли не напоминал, и он молчал.

Линь Сынянь посмотрел на сидевшего на диване Линь Цзинли, который и не думал его останавливать, и почувствовал укол раздражения.

— Это мой сын! Я его опекун! Вы что, среди бела дня ребёнка похищаете?

Ян Юйин толкнула мужа в бок, и тот сменил тактику, начав взывать к чувствам и разуму.

— Сынянь, мы же как лучше хотим. У тебя работа особенная. Сейчас-то у тебя съёмки закончились, и есть время на Фэйфэя, а когда снова начнётся работа, что тогда? Он же совсем кроха. Кого ты наймёшь за ним присматривать? А если няня окажется недобросовестной, будет его обижать? Ты сможешь за всем уследить? Мы с твоей матерью уже на пенсии, мы сами можем о нём позаботиться, тебе не о чем будет беспокоиться. Просто спокойно работай, мы в твою жизнь лезть не будем. Разве не хорошо?

Закончив свою длинную тираду, Линь Гошэн наконец сбросил маску заботы и явил свою истинную цель — оставить внука у себя.

Но Линь Сынянь, поразмыслив, понял, что дед прав. Даже если он сократит количество работы или вовсе уйдёт из профессии, что вполне возможно...

Как он уже говорил Линь Цзинли, актёрство для него — просто работа. Юношеский энтузиазм

и чувство удовлетворения давно угасли, а последний инцидент с фанаткой почти полностью их уничтожил.

Но нельзя было отрицать, что у него миллионы поклонников. Даже если он объявит об уходе из шоу-бизнеса, в ближайшие десять, а то и двадцать лет любое его появление на публике будет вызывать ажиотаж.

А если он уйдёт слишком резко, фанаты могут не выдержать, и последствия могут быть ещё ужаснее, чем в прошлый раз. Так что действовать нужно было постепенно, незаметно. У него был контракт со «Звёздными развлечениями» ещё на пять лет.

И самое главное: старый особняк семьи Линь был настоящей крепостью. Линь Сынянь не хотел, чтобы малыш попал под прицел фанатов. Если он останется с ним, да ещё и с Ли Сюем, рано или поздно тайну будет не удержать. Линь Сынянь боялся даже представить, что он сделает, если из-за него с Фэйфэем что-то случится.

Линь Цзинли, этот параноик, превратил семейный дом в неприступную цитадель. Здесь, под всеобщей опекой, у Фэйфэя будет счастливое и здоровое детство.

Подумав об этом, Линь Сынянь наконец смягчился.

— Хорошо. Я попрошу Ли Сюя привезти наши с Фэйфэем вещи.

— Что? Ты тоже здесь останешься? — почему-то в голосе старика Линь Сыняню послышалась нотка разочарования.

Линь Сынянь решил не обращать внимания на родного отца и повернулся к Линь Цзинли.

— Позови Сяо Ханя. Что это за выходки — красть моего сына? Он совсем перестал уважать меня, своего дядю?

Линь Цзинли пожал плечами. Цель была достигнута, так что можно было и стерпеть словесные уколы. Он поднял трубку домашнего телефона и велел Линь Ханю спуститься вместе с малышом.

— Больше не уезжаете? — спустившись по лестнице, с сомнением спросил четырнадцатилетний подросток ростом уже метр семьдесят, с кубиками пресса и бицепсами, без труда державший на руках маленький, пахнущий молоком комочек.

Он так нервничал отчасти потому, что ему нравился малыш, а отчасти потому, что отчаянно цеплялся за последнюю соломинку.

Линь Хань уже несколько раз тайно проверял: только рядом с малышом он чувствовал себя спокойно и радостно. Даже если он просто играл в приставку на диване, а малыш возился с игрушками на ковре, игра казалась увлекательнее, чем когда он был один в своей комнате.

«Даже просто в благодарность за надежду, которую подарил мне Фэйфэй, я буду самым лучшим старшим братом», — подумал Линь Хань. Не говоря уже о том, что Фэйфэй и сам по себе был очаровательным ребёнком. Проведя с ним время, невозможно было его не полюбить, если только ты не законченный мизантроп. Как можно не полюбить этого послушного, мягкого малыша, который так мило лепечет «братик»?

— Не уезжаем. Твой дядя и Фэйфэй теперь будут жить с нами.

Линь Цзинли поманил малыша рукой. Линь Хань опустил его на пол, и Фэйфэй, увидев, что его зовёт дядя, подбежал к Линь Цзинли.

Что это дядя надевает Фэйфэю?

Линь Цзинли погладил малыша по пушистой головке.

— Это тебе подарок от дяди. Раньше было не до того, а сейчас как раз доделал.

Это был миниатюрный GPS-трекер. Линь Сынянь был не против. У всех детей в семье Линь, включая Линь Ханя и его двоюродных братьев и сестёр, были такие. Их им надевали родители.

— Фэйфэй, помни, никогда не снимай его. Носи каждый день, — добавил со стороны Линь Гошэн.

Малыш потрогал круглый металлический шарик на своей шее и, услышав наставление бабушки, послушно кивнул.

— Фэйфэй будет носить каждый день. Не снимет.

— Какой же Фэйфэй хороший мальчик, — похвалил его Линь Гошэн.

На этом вопрос с переездом Линь Сыняня и Фэйфэя в старый особняк был решён. Только Ли Сюй, привезший их вещи, смотрел на Линь Сыняня с такой обидой, будто хотел просверлить в нём дыру взглядом.

Он-то думал, что Линь Сынянь с Фэйфэем проведут в особняке всего день. Сам он, чтобы не скучать, поехал в офис. Думал, к вечеру малыш вернётся. Но нет! Проработав весь день, разобрав накопившиеся проблемы, он вернулся в квартиру Линь Сыняня и обнаружил там лишь темноту. Фэйфэй не вернулся!

Позвонил Линь Сыняню, тот сказал, что останутся ещё на несколько дней.

И вот Ли Сюй ждал, ждал, ждал, дни тянулись вечно, он чуть не впал в депрессию. Наконец, дождался очередного звонка от Линь Сыняня, но тот не собирался возвращаться. Наоборот, просил помочь собрать вещи, потому что он с Фэйфэем переезжает в старый особняк.

Он с Фэйфэем переезжает в старый особняк...

Фэйфэй переезжает в старый особняк...

В старый особняк...

Нет, ну Линь Сынянь, ты сам переезжай, а Фэйфэя-то зачем? Что? В особняке много народу, о малыше позаботятся, а он боится, что из-за работы не сможет уделять ему достаточно времени? Боится, что не найдёт надёжную няню и Фэйфэя будут обижать?

Твою мать, ты мне сказать не мог?! Я тебе что, не говорил, что могу стать няней для малыша? Ты только дай согласие, я тут же, твою мать, уволюсь! Я выйду на работу, а ты занимайся своими делами. Если по твоему возвращению малыш хоть на полкило похудеет, я от себя отрежу и тебе отдам!

Линь Сынянь, свинья ты эдакая! Тебе-то хорошо, а ты подумал, что я теперь с ума сойду от тоски?

Эх, жаль, что малыш — сын Линь Сыняня. Был бы моим, вот было бы счастье.

Собирать вещи, я ещё тебе и вещи собираю! Если бы не твой сын, я бы с тобой дружбу разорвал! Немедленно! Собирать вещи...

Тьфу! Бесстыдник.

<http://bllate.org/book/13654/1582798>